

Хомский Ноам.

Государство

будущего

2012, источник: [здесь](#). Американский лингвист, публицист, философ Ноам Хомский считается одним из наиболее влиятельных из ныне живущих интеллектуалов. Ярый и последовательный критик политической тирании, анархист Хомский анализирует роль государства от его истоков до современности и обозначает векторы его будущего развития. Он считает одинаково регрессивными идеологии государственного социализма и государственного капитализма, а государство будущего связывает с развитием либертарианства как логического продолжения идей классического либерализма.

- [Предисловие](#)
- [Классический либерализм](#)
- [Либертарианский социализм](#)
- [КОНТРАГУМЕНТЫ](#)
- [ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ](#)
- [Примечания](#)

Предисловие

“ *Noam Chomsky*
Government in the future

Open Media Series
SEVEN STORIES PRESS

New York

“ *Перевод Алекс Керви*
Редактор Роза Пискотина
Руководитель проекта И. Серёгина
Корректор О. Ильинская
Компьютерная верстка О. Морозова
Дизайнер обложки Ю. Буга

“ © *Noam Chomsky, 1970, 2005 Originally published by Seven Stories Press, New York, U.S.A.*
© *Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2012*
© *Электронное издание. ООО «Альпина Паблишер», 2012*

Какова роль государства в развитом индустриальном обществе? Чтобы ответить на этот вопрос, для начала, я думаю, следует обозначить в качестве рамок обсуждения четыре теоретические позиции. Назовем эти позиции: первая – классический либерализм, вторая – либертарианский социализм, третья – государственный социализм, четвертая – государственный капитализм. Рассмотрим каждую по очереди. Но сначала я хочу прояснить мою собственную точку зрения, чтобы вам было проще судить о том, что я говорю. Я полагаю, что концепции либертарианского социализма (а под этим термином я понимаю самый широкий спектр воззрений: от левого крыла марксизма до анархизма) в целом корректны и являются правильным и естественным продолжением классического либерализма в современную эпоху развитого индустриального общества.

И напротив, я считаю, что идеология государственного социализма, пришедшая из большевизма, и государственный капитализм – современное государство всеобщего благоденствия – воплощают регрессивные и совершенно неадекватные социальные теории. И немалое количество наших действительно фундаментальных проблем возникает из-за того, что эти доминирующие социальные формы не удовлетворяют требованиям современного индустриального общества и несовместимы с ним.

Ну вот, а теперь рассмотрим эти четыре позиции более подробно, и начнем мы с точки зрения классического либерализма.

Классический либерализм

Основная идея классического либерализма заключается в оппозиции ко всем формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, кроме предельно ограниченных и минимальных. Этот тезис достаточно хорошо нам знаком. Тем не менее аргументация, приводящая к этому заключению, известна не столь широко, а я считаю, что в данном случае ход рассуждений гораздо важнее вывода.

Одно из самых ранних и наиболее блистательных толкований этой позиции содержится в книге Вильгельма фон Гумбольдта[1] «Идеи к опыту определения границ деятельности государства», написанной в 1792 г., но опубликованной лишь шестьдесят лет спустя. С точки зрения Гумбольдта, государство стремится «превратить человека в инструмент обслуживания собственных, произвольно выбранных целей, никак не учитывающих его собственные намерения»¹, а поскольку люди по своей сути – свободные, ищущие, самосовершенствующиеся существа, следовательно, государство – глубоко антигуманный институт. А это значит, что деятельность и само существование государства в конечном итоге противоречат полноценному гармоничному развитию человеческого потенциала в его богатейшем многообразии и поэтому несовместимы с тем, что Гумбольдт и, уже в следующем веке Маркс, Бакунин, Милль[2] и многие другие рассматривали как истинную цель человека. (И скажу для протокола: лично я убежден, что это очень точное описание.)

В этом смысле современный консерватор тяготеет к тому, чтобы рассматривать себя как прямого потомка классического либерала. Однако я полагаю, что такую позицию можно поддерживать, исходя только из крайне поверхностной и несерьезной точки зрения, что хорошо видно, если более внимательно изучить основные идеи классической либертарианской мысли, выраженные Гумбольдтом в их наиболее основательной форме.

Я считаю, что эти вопросы имеют существенное значение для нашего времени, и, если вы не возражаете, я бы хотел остановиться на них подробнее, сделать, так сказать, небольшой экскурс в прошлое.

Для Гумбольдта, как и для Руссо, а до него – для картезианцев[3], главное достояние человека – это его свобода.

“Познание и созидание – вот те центры, вокруг которых так или иначе сосредоточены все человеческие поиски².”

Но далее Гумбольдт пишет:

“Вся нравственная культура возникает единственно из внутренней жизни души... и никогда не может быть создана с помощью внешних и

искусственных приспособлений... Развитие и совершенствование понимания, как и любые другие способности человека, в общем и целом достигаются благодаря его собственной деятельности, его собственной находчивости и смекалке, его собственным методам использования открытий других людей³.

Из этих утверждений Гумбольдт развивает свою образовательную теорию, но сейчас мы не будем ее обсуждать. Сейчас нам важно, что Гумбольдт дошел до основ теории эксплуатации и отчужденного труда и таким образом стал предшественником раннего Маркса. Гумбольдт продолжает ту мысль, что я цитировал выше, – о развитии навыков понимания посредством спонтанного действия – и делает это следующим образом. Он говорит: «Из того, чем человек располагает, больше всего он считает своей собственностью то, что делает сам; скорее простой садовник истинный хозяин сада, чем праздный бездельник, который наслаждается его плодами»⁴. А поскольку истинно человеческие действия исходят от внутреннего импульса, то:

« похоже, что всех крестьян и ремесленников можно было бы возвести в ранг художников; а это значит, что люди, которые любят труд ради него самого, совершенствуют его, благодаря дару воображения и изобретательности, и таким образом развивают свой интеллект, облагораживают свой характер и достигают более утонченных и возвышенных удовольствий. Получается, что человека могут облагородить и возвеличить именно те вещи, которые сейчас, хоть они прекрасны сами по себе, так часто служат инструментом его унижения... Бесспорно, свобода есть обязательное условие, без которого даже самые естественные для человека устремления могут не привести к таким благотворным влияниям. Все, что идет не от свободного выбора человека, а делается в результате руководящих указаний, не становится частью его существа, а остается чуждым его природе; он исполняет все это не с истинной человеческой энергией, а лишь с механической точностью⁵.

Если же человек действует механически, реагируя на исходящие извне требования или указания, вместо того чтобы руководствоваться собственными интересами, энергией и силой, «мы можем восхищаться тем, что он делает, но мы презираем его самого»⁶.

Таким образом, Гумбольдт утверждает, что человек рожден для того, чтобы познавать и творить, и когда взрослый или ребенок познает и творит, исходя из собственного свободного выбора, тогда, по его собственным представлениям, он становится художником, а не орудием производства или хорошо обученным попугаем. В этом и заключается сущность гумбольдтовской концепции человеческой природы. Мне кажется, это весьма поучительно и интересно в сравнении с Марксом, с его ранними текстами, особенно с рассуждениями об «отчуждении труда, когда труд навязан работнику извне... а не является частью его природы, так что он не реализует себя... и чувствует себя несчастным, физически истощенным и морально униженным...» именно отчужденный труд «отбрасывает одних рабочих к варварским видам работы, а других превращает в машины», лишая человека его «родового характера», его «свободной сознательной деятельности» и

«продуктивной, плодотворной жизни»⁷.

Вспомним также известную и часто цитируемую отсылку Маркса к более высокоорганизованной форме общественного устройства, при которой «труд станет не только средством для жизни, но и первой жизненной потребностью»⁸. Вспомним также его постоянную критику специализированных процессов труда, при которых «все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека, принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила»⁹.

Роберт Такер, со своей стороны, очень верно заметил, что Маркс рассматривал революционера скорее как разочарованного производителя, нежели как неудовлетворенного потребителя. И вся его намного более радикальная критика капиталистических производственных отношений вытекала непосредственно (и часто облекалась в те же самые слова и фразы) из либертарианской мысли эпохи Просвещения. По этой причине, я думаю, можно сказать, что классические либеральные идеи по своей сути – хотя и не в том виде, который они обрели сейчас, – являются крайне антикапиталистическими. Для того чтобы эти идеи могли служить идеологией современного промышленного капитализма, должна быть подорвана сама их суть.

Когда Гумбольдт писал свои книги в 1780-е и ранние 1790-е, у него не было никаких представлений о формах, которые примет промышленный капитализм. Следовательно, в этой классике классического либерализма он акцентирует внимание на ограничении государственной власти и не слишком тревожится об опасностях власти частной. Довод, в который он верил и о котором говорил, заключался в неперменном и обязательном равенстве условий для всех частных граждан. И разумеется, в 1790 г. он не имел представления о том, каким образом будет переосмыслено понятие частного лица в эру корпоративного капитализма. Гумбольдт не предвидел – сейчас я процитирую историка-анархиста Рудольфа Рокера, – что «и демократия с ее лозунгом равенства всех граждан перед законом», и либерализм с его «правом человека на собственную личность», разобьются о реалии капиталистической экономической формы»¹⁰. Гумбольдт не предвидел, что в условиях хищнической капиталистической экономики государственное вмешательство станет абсолютной необходимостью, чтобы поддерживать человеческое существование и предотвращать разрушение окружающей среды. Я говорю это как оптимист, разумеется. Как писал Карл Поланьи, саморегулирующийся рынок «не может существовать, не подрывая человеческие и природные основы общества; он уничтожил бы человека физически и превратил бы его окружение в пустыню»¹¹. Я с этим согласен. Гумбольдт также не предвидел последствий труда как товара, доктрины, которая заключается в том (вновь процитирую Поланьи), что «не товару решать, где он должен быть предложен для продажи, для какой цели его будут использовать, по какой цене его продадут и каким способом его потребят или уничтожат»¹². Но в данном случае товар – это, конечно же, человеческая жизнь, и вследствие этого социальная защита стала абсолютной необходимостью, призванной сдерживать иррациональное и деструктивное функционирование классического свободного рынка. В 1790 г. Гумбольдт не понимал и того,

что капиталистические экономические отношения будут увековечены в форме зависимости, кабалы, о которой еще в 1767 г. Симон Лингет сказал, что она даже хуже, чем рабство.

“ Именно невозможность жить как-то иначе вынуждает наших крестьян возделывать почву, чьи плоды они не будут вкушать, и наших каменщиков возводить здания, в которых они не будут жить. Именно нужда гонит их на те рынки, где они ждут хозяев, которые сделают им одолжение и купят их. Именно нужда заставляет их встать на колени перед богатеем, чтобы тот милостиво разрешил им себя обогатить... Вот что им принесло запрещение рабства. Я говорю с искренним сожалением: все, что они получили, – это «право» ежесекундно страдать, страшась смерти от голода, бедствия, которое по крайней мере никогда не грозило их предшественникам на этом низшем уровне человеческого развития <...> «Он свободен, вы говорите. Ах! Но это уже его трудности...» У этих людей, как утверждают, нет никакого хозяина... но у них есть один, самый ужасный, самый деспотичный из всех хозяев, т. е. нужда. И это именно то, что принижает их и приводит к наиболее жестокой зависимости¹³.

И если в идее подчинения действительно есть что-то крайне унижительное для человеческой природы, на чем настаивал каждый оратор эпохи Просвещения, то из нее следует неизбежное ожидание нового освобождения, того, что Фурье называл «третьей и последней исторической фазой освобождения». Первая сделала из рабов крепостных, вторая – превратила крепостных в работников, получающих плату за труд, а третья освободила пролетариат, устранив характер труда как товара и наемное рабство и подчинив коммерческие, производственные и финансовые институты демократическому контролю¹⁴.

Всего этого Гумбольдт в своей классической либеральной доктрине не формулировал и не видел, но я полагаю, что он согласился бы с этими выводами. Например, он был согласен с тем, что государственное вмешательство в общественную жизнь правомочно, «если свобода может уничтожить те самые условия, без которых не только свобода, но даже само существование невымыслимо», а это именно те обстоятельства, которые возникают в неограниченной капиталистической экономике¹⁵. И он, как это явствует из тех отрывков, которые я процитировал, решительно осуждал отчуждение труда.

В любом случае гумбольдтовская критика бюрократии и автократического государства выступает как весьма красноречивое предостережение об опасностях, таящихся в наиболее безрадостных аспектах современной истории. И здесь важно, что в своей основе его критика применима и для более широкого ряда институтов принуждения, и особенно – для институтов власти промышленного капитализма.

Хотя Гумбольдт выражал классическую либеральную точку зрения, он не был примитивным индивидуалистом, таким, как, к примеру, Руссо. Последний превозносит дикаря, который «живет в нем самом»¹⁶, но воззрения Гумбольдта совершенно иные. Он подводит итог своим наблюдениям, говоря, что:

все идеи и доводы, изложенные в этом труде, можно выразить одной фразой: пока люди будут ломать все общественные оковы, они будут пытаться установить как можно больше новых социальных связей. Изолированный человек способен к развитию не более, чем человек, обремененный связями¹⁷.

И Гумбольдт на самом деле смотрел далеко вперед и предвосхищал общество свободного взаимодействия, без карательного государства или любого другого авторитарного института власти – общества, в котором свободные люди могут творить, познавать и достигать наивысшего развития своих способностей. Значительно опередив свое время, Гумбольдт представляет анархическое видение, которое, наверное, соответствует следующей стадии развития индустриального общества. Быть может, когда-то наступит день, когда все эти направления соединятся в основе либертарианского социализма. Такой социальной формы сегодня практически не существует, однако ее элементы проглядывают, например, в гарантии индивидуальных прав человека, которая на сегодняшний день обрела свою наивысшую реализацию – хотя и не без трагических изъянов – в странах западной демократии; в израильском киббуцизме; в экспериментах с рабочими советами в Югославии; в попытках пробудить народное самосознание и создать новую вовлеченность в социальный процесс. И это основополагающий элемент революций третьего мира, который с трудом уживается с неоправданно авторитарными системами.

Подведем итог вышесказанному: первая концепция государства, которую я хочу взять за отправную точку, – классический либерализм. Его доктрина заключается в том, что функции государства должны быть решительно ограничены. Но эта привычная и хорошо всем знакомая характеристика на самом деле очень поверхностна. Если заглянуть глубже, мировоззрение классического либерала развивается из определенной концепции человеческой природы – именно той, что подчеркивает важность многообразия и свободного созидания, – и таким образом это мировоззрение по существу противостоит промышленному капитализму с его рабством заработной платы, его отчужденным трудом, его иерархическими, авторитарными принципами социальной и экономической организации. По крайней мере в своей идеальной форме классическая либеральная мысль противостоит концепциям собственнического индивидуализма, неотъемлемым от капиталистической идеологии. По этой причине классическая либеральная мысль ищет избавления от социальных оков, чтобы заменить их социальными обязательствами, обусловленными не состязательной алчностью хищнического индивидуализма и, разумеется, не корпоративными империями – государственными или частными. Вследствие этого классическая либертарианская мысль, как мне кажется, ведет прямо к либертарианскому социализму – или анархизму, если вам так больше нравится, – если объединить ее с пониманием индустриального капитализма.

Либертарианский социализм

Вторая фундаментальная точка зрения, которую я хочу обсудить, – либертарианское социалистическое видение государства. Один французский писатель, проявлявший определенные симпатии к анархизму, писал, что «анархизм штука крепкая – и, подобно бумаге, он все стерпит»¹⁸. Анархизм бывает всех цветов радуги, но меня в данном случае интересует конкретный вариант, а именно анархизм Бакунина, который писал в своем манифесте 1865 г.: «Чтобы быть анархистом, нужно прежде стать социалистом». Меня интересует анархизм Адольфа Фишера, одного из мучеников Хеймаркетской бойни 1886 г.^[4], считавшего, что «каждый анархист является социалистом, но не каждый социалист обязательно анархист»¹⁹. Последовательный анархист должен противостоять частной собственности на средства производства. Такая собственность, как верно заметил Прудон, разумеется, есть форма воровства²⁰. Но последовательный анархист будет выступать и против «организации производства государством. Это означает государственный социализм, когда производством управляют государственные чиновники, а в торговле руководят менеджеры, ученые и служащие. <...> Цель рабочего класса – освобождение от эксплуатации. Этой цели невозможно достичь, просто заменив буржуазию новым управляющим и правящим классом. Такое возможно, лишь если сами рабочие возглавят производство, в той или иной форме рабочих советов»²¹. Эта цитата, к вашему сведению, из сочинений марксиста левого толка Антона Паннекука^[5], и, действительно, радикальный марксизм, который Ленин назвал «детской болезнью левизны»²², сливается с анархистскими течениями. Позвольте мне привести иллюстрацию конвергенции между крайне левым марксизмом и социалистическим анархизмом. Рассмотрим следующую характеристику «революционного социализма»:

“ Социалист-революционер отрицает, что государственная собственность может привести к чему-то, кроме бюрократического деспотизма. Мы видели, почему государство не может демократически контролировать производство. Демократически управлять и владеть производством могут лишь сами рабочие, посредством управленческих комитетов, которые сформированы путем выборов в рабочей же среде. Социализм будет в основе своей индустриальной системой; его избирательная система будет иметь индустриальный характер. Таким образом, люди, занятые общественной деятельностью и производством, будут напрямую представлены в местных и центральных советах общественной администрации. Таким путем власть делегатов будет осуществляться снизу вверх – от тех, кто выполняет работу и знаком с потребностями сообщества. На собраниях административно-производственных комиссий будут

представлены все этапы общественной деятельности. В результате капиталистическое – политическое или географическое – государство будет заменено социалистическими административно-производственными комиссиями. Переход от одной социальной системы к другой будет социальной революцией. Политическое государство на протяжении всей истории означало управление людьми со стороны правящих классов; социалистическая республика будет управлять производством от имени всего общества. Прежнее экономическое и политическое подчинение большинства меньшинству превратится в экономическую свободу для всех – т. е. в подлинную демократию²³.

Эти строчки взяты из книги «Государство: происхождение и функции», написанной Уильямом Поллом в начале 1917 г., незадолго до самого либертарианского труда Ленина, «Государство и революция».

Уильям Полл был одним из основателей Британской коммунистической партии, а позже редактором партийного журнала. Довольно интересно, что его критика государственного социализма очень напоминает – я думаю – либертарианскую доктрину анархистов, особенно в вопросе исчезновения государства и его замены индустриальной организацией общества в ходе самой социальной революции. Прудон в 1851 г. писал, что вместо государства нужна организация производства, можно вспомнить много других подобных утверждений. Это по сути и есть фундаментальная идея революционеров-анархистов. Но важнее обилия таких заявлений то, что эти идеи несколько раз были реализованы в спонтанных революционных акциях, например в Германии и Италии после Первой мировой войны и в Каталонии в 1936 г.

Кто-то может возразить – я сам, например, – относительно той длинной цитаты, которую привел выше, что коммунистические советы есть естественная форма революционного социализма в индустриальном обществе. Они отражают интуитивное понимание того, что демократия по большей части имитируется, если индустриальная система контролируется какой-либо формой автократической элиты, будь то собственники, управленцы, технократы, руководящая партия, государственная бюрократия или тому подобное. В условиях авторитарного доминирования классические либеральные идеалы, выраженные также Марксом и Бакуниным и всеми настоящими революционерами, не могут быть реализованы. Иными словами, люди не будут свободны для познания и созидания, для полного раскрытия своего потенциала; рабочий останется жалким подобием человека, инструментом в производственном процессе, управляемом сверху. В этом смысле идеи революционного либертарианского социализма в индустриальных обществах прошлых пяти десятилетий были в тени. Преобладали идеи государственного социализма и государственного капитализма.

Но в последние годы началось интересное возрождение. Процитированный мною тезис Антона Паннекука взят из недавнего памфлета радикальной группы французских рабочих²⁴, а строки Уильяма Пола о революционном социализме приводились в статье Уолтера Кендалла, представленной на Национальной конференции по вопросу рабочего контроля в Шеффилде, Англия, в марте 1969 г.²⁵

Обе эти группы знаменуют важное общественное явление. В частности, я считаю, что движение рабочего контроля в Англии за несколько последних лет стало значительной силой. Оно включает в себя некоторые крупнейшие профсоюзы, например Объединенный профессиональный союз машиностроителей и литейщиков, который, кажется, второй по величине профсоюз в Англии и который сделал эти идеи своими принципами. Успешно прошло несколько конференций, и опубликованы наиболее интересные материалы. Параллельные процессы происходили и в континентальной Европе. События мая 1968 г. во Франции подстегнули растущий интерес к коммунизму советов и сходным идеям, равно как и к другим формам либертарианского социализма во Франции, Германии и Англии. Принимая во внимание в целом консервативный склад нашего высокоидеологизированного общества, не приходится удивляться, что США эти течения в основном обошли стороной. Но ситуация может и поменяться. Разрушение мифологии холодной войны позволяет по крайней мере обсуждать некоторые из этих вопросов. И если сегодняшняя репрессивная волна получит отпор, если левые сумеют преодолеть свои суицидальные тенденции и построить деятельность на достижениях последнего десятилетия, проблема организации индустриального общества на истинно демократических принципах, с демократическим контролем на рабочих местах, так же как и в обществе, должна стать доминирующей интеллектуальной задачей для тех, кто живо интересуется проблемами современного общества. И со временем, когда, как я надеюсь, движение революционного либертарианского социализма приобретет массовый характер, разговоры неизбежно должны перерасти в действие.

Каким бы фантастичным и далеким от реальности ни казалось на сегодняшний день соединение концепций левого марксизма и анархизма под одной вывеской, как это сделал я, проигнорировав целое столетие противостояния марксистов и анархистов – начиная с антагонизма между Марксом и Энгельсом с одной стороны и, например, Прудоном и Бакуниным – с другой. В XIX в. их различия в подходах к государству были значительные, но до некоторой степени тактические. Анархисты были убеждены, что капитализм и государство должны быть уничтожены вместе. Энгельс в письме 1883 г., выражает свое неприятие этой идеи:

“ Анархисты ставят все с ног на голову. Они заявляют, что пролетарская революция должна начать с упразднения политической организации государства. Но единственная организация, которую пролетариат застаёт в готовом виде после своей победы, это именно государство... Правда, это государство требует очень значительных изменений, прежде чем оно сможет выполнять свои новые функции. Но разрушить его в такой момент – значило бы разрушить то единственное орудие, посредством которого победоносный пролетариат может использовать только что завоеванную им власть, подавить своих капиталистических противников и провести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы закончиться новым поражением и массовым убийством рабочих, как то было после Парижской коммуны²⁶.

Теперь, я думаю, будет справедливым сказать, что Парижская коммуна действительно воплощала идеи либертарианского социализма, анархизма, если угодно, и Маркс писал об этом с огромным энтузиазмом. Опыт Парижской коммуны на самом деле заставил его изменить свою концепцию роли государства и принять некоторые анархистские взгляды на природу социальной революции, как это явствует, например, из предисловия к изданию 1872 г. «Манифеста коммунистической партии»²⁷.

Итак, мы знаем, что Парижская коммуна была утоплена в крови, как и анархистские коммуны в Испании, уничтоженные войсками фашистов и коммунистов. Кто-то скажет, что революцию могла бы спасти диктатура. Однако я сильно в этом сомневаюсь. По крайней мере в случае с Испанией, как это видится мне, единственно возможную защиту революции могла обеспечить более последовательная либертарианская политика. Разумеется, это спорное утверждение и тема отдельной дискуссии, в которую я не хочу вдаваться сейчас. Но ясно как минимум, что после событий прошедшей половины столетия было бы крайне наивно игнорировать настойчивые предупреждения Бакунина о том, что «красная бюрократия» окажется «самой отвратительной, мерзкой, гнусной и самой опасной ложью нашего века»²⁸. В 1870 г. он писал: «Возьмите самого яростного революционера и посадите его на всероссийский престол или дайте ему власть диктатора, о которой так много мечтают наши зеленые революционеры, и он через год делается хуже самого Александра Николаевича»²⁹.

В этом отношении Бакунин, к сожалению, оказался провидцем, и такого рода предупреждения многократно раздавались со стороны левых. Например, в 1890-е анархо-синдикалист Фернан Пеллутье вопрошал: «Неужели даже переходное государство, которое нам непременно понадобится, обязательно или неизбежно превратится в коллективистскую тюрьму? Неужели оно не может быть либертарианской организацией, которая сводится к нуждам производства и потребления, а все политические институты при этом отменены?»³⁰

Не претендуя на знание ответа на этот вопрос, я полагаю вполне очевидным, что если ответ не утвердительный, то шансы на подлинно демократическую революцию малы. Коротко и ясно, по-моему, охарактеризовал эту проблему Мартин Бубер: «Нельзя ожидать, что саженец, превращенный в дубинку, вдруг пустит корни и расцветет»³¹. Именно поэтому абсолютно необходимо, чтобы в Соединенных Штатах существовало мощное революционное движение, если мы, конечно, надеемся на возможность радикальных демократических социальных изменений в капиталистическом мире. Сходные соображения, думаю, справедливы и в отношении Российской империи.

До самого конца жизни Ленин повторял «азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран»³². Для этого требуется как минимум, чтобы внутренние силы препятствовали контрреволюционной интервенции из крупных центров мирового империализма. Только при таких условиях революция сможет отбросить собственные карательные государственные институты, по мере того как экономика будет переходить под прямой демократический контроль.

Подведем краткий итог. Я уже упомянул две исходные позиции для обсуждения государства: классический либерализм и либертарианский социализм. Идеологически они

согласуются друг с другом в том, что функции государства репрессивны и что роль государства должна быть ограничена. Либертарианский социалист идет дальше, настаивая, что государственная власть должна быть уничтожена и заменена демократической организацией индустриального общества с прямым народным контролем над всеми институтами. И осуществлять этот контроль должны как те, кто участвует в работе этих институтов, так и те, кого она напрямую затрагивает. Так что можно представить себе систему рабочих советов, потребительских советов, общественных собраний, региональных федераций и т. д. с прямым и подлежащим отзыву представительством. Это значит, что представители ответственны за свои действия и подотчетны определенной и интегрированной социальной группе, интересы которой они представляют в более высоких общественных организациях. Такое устройство явно отличается от нашей системы представительства.

КОНТРАРГУМЕНТЫ

Было бы весьма уместно спросить, насколько подобная социальная структура осуществима в сложном, высокотехнологичном обществе. Тут есть контраргументы, и я разделяю их на две основные категории. В первом случае утверждается, что такая организация противоречит человеческой природе, во втором – что она несовместима с требованиями «эффективности». Я бы хотел кратко рассмотреть обе категории.

Возьмем первый контраргумент – что свободное общество противоречит человеческой природе. Довольно часто спрашивают: если люди действительно желают свободы, хотят ли они ответственности, которая ее сопровождает, или они предпочтут, чтобы ими правил великодушный хозяин? Соответственно, защитники существующего распределения власти придерживаются той или иной версии идеи о счастливом рабе. Двести лет назад Руссо осуждал склонных к софистике политиков и интеллектуалов, которые искали способы скрыть эту истину, и настаивал, что первое из естественных прав человека – свобода: «Они приписывают людям естественную склонность к рабству... они не задумываются над тем, что со свободой дело обстоит так же, как с невинностью и добродетелью, цену которым ощущаешь, лишь пока ими обладаешь, и вкус к которым утрачиваешь, едва их теряешь»³³. В качестве доказательства он прибегает к тем чудесам, которые совершили все свободные народы, чтобы оградить себя от тирании.

“ Я знаю, что [те, кто отказался от свободы] не устают превозносить мир и спокойствие, которыми они наслаждаются в своих оковах... Но когда я вижу, что другие жертвуют удовольствиями, покоем, богатством, властью и даже самую жизнь, чтобы сохранить только это достояние, к которому с таким пренебрежением относятся те, кто его потерял... когда я вижу, как толпы совершенно нагих дикарей презирают наслаждения европейцев и не обращают внимания на голод, огонь, железо и смерть, чтобы сохранить свою независимость, я понимаю, что не рабам пристало рассуждать о свободе³⁴.

Довольно сходные мысли были высказаны Кантом сорок лет спустя. По его утверждению, он не может принять допущение, что определенные люди «пока еще не созрели для свободы», например крепостные какого-нибудь помещика.

“ Но, если исходить из подобных предположений, свобода никогда и не наступит, ибо для нее нельзя созреть, если предварительно не ввести людей в условия свободы (надо быть свободным, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе). Первые попытки бывают, конечно, вполне неумелыми и обыкновенно сопровождаются большими затруднениями и опасностями, чем те, которым подвержен

человек, не только подчиняющийся другим, но и состоящий на их попечении; однако для пользования своим разумом созревают не иначе, как в результате собственных усилий (но чтобы предпринять их, нужно быть свободным). Я не имею ничего против, если власти, вынуждаемые обстоятельствами момента, будут отодвигать освобождение от этих трех оков весьма и весьма далеко. Но превращать в принцип то положение, что для подчиненных им людей свобода вообще не годится и поэтому справедливо постоянно отдалять их от нее, – это уже вторжение в сферу власти самого Божества, которое создало человека для свободы³⁵.

Этот примечательный отрывок весьма интересен также и из-за его особенного контекста. Кант защищал Французскую революцию в период террора от тех, кто заявлял о том, что она продемонстрировала неготовность широких масс к обретению свободы. Мне кажется, что его аргументация актуальна и сегодня. Разумный человек не может одобрять насилие и террор, в особенности террор в постреволюционном государстве, которое попало в руки жестокой, беспощадной автократии, неоднократно демонстрировавшей неописуемые дикости и кровопролитие. В то же время гуманный и сопереживающий человек не станет с ходу осуждать насилие, которое часто сопутствует подъему угнетенных народных масс на борьбу против угнетателей или их первым шагам на пути к свободе и перестройке общества.

За несколько лет до Канта Гумбольдт тоже выразил сходное мнение. Он писал, что свобода и выбор – неперенные условия человеческой самореализации:

“Ничто не готовит к свободе так, как сама свобода. Эту истину, похоже, не осознают люди, которые столь часто используют «незрелость», как аргумент в пользу продолжающегося угнетения, однако, по моему мнению, она напрямую вытекает из самой человеческой природы. Неготовность к свободе может вытекать лишь из нехватки моральной и интеллектуальной силы. Единственный путь – развивать ее, но для этого изначально нужна свобода, которая возбуждает самостоятельную активность...³⁶

Те, кто этого не понимает, – продолжает Гумбольдт, – «видимо, не понимают человеческой природы вообще и желают превратить людей в машины»³⁷.

Похоже звучит и братская, сочувственная критика большевистской идеологии и практики в изложении Розы Люксембург. Только активное участие народных масс в самоуправлении и общественном строительстве способно вызвать к жизни то, что Люксембург определяла, как полное духовное преображение народных масс, веками деградировавших под гнетом буржуазного класса. Точно так же только их созидательный опыт и самостоятельная деятельность могут решить мириады проблем на пути к созданию либертарианского социалистического общества. И далее она заявляет, что «исторически ошибки, допущенные по-настоящему революционным движением, безгранично более плодотворны, чем непогрешимость умнейшего Центрального комитета»³⁸. Думаю, эти замечания можно напрямую отнести к параллельной в известном смысле идеологии «человечной

корпорации», которая приобрела определенную популярность у американских ученых, например у Карла Кейзена, который писал:

<Перестав быть игроком на рынке, которого заботит исключительно получение прибыли от инвестиций, правление корпорации более не считает себя ответственным перед акционерами, персоналом, клиентами, общественностью и, что важнее всего, самой фирмой как институтом. Тут нет места проявлениям корысти или жадности, нет желания спихнуть на рабочих или общество основную часть социальных расходов бизнеса. Современная корпорация – великодушная корпорация³⁹.

Аналогично передовая партия – это великодушная партия, и в обоих случаях тех, кто настаивает на подчинении людей власти этих доброжелательных автократий можно, думаю, обвинить в «желании превратить людей в машины».

Я не считаю, что корректность точки зрения Руссо, Канта, Гумбольдта, Люксембург и бесчисленного множества других мыслителей на сегодняшний день научно доказуема. Мы можем оценивать ее только с позиций своего опыта и интуиции. Мы можем также осмыслить социальные последствия выбора одной из двух точек зрения: рождены ли люди для свободы, или же они должны подчиняться доброжелательной автократии.

А как же второй контраргумент, вопрос эффективности? Действительно ли демократический контроль над индустриальной системой на уровне ее самых элементарных функциональных единиц несовместим с эффективностью? Подобные утверждения чаще всего исходят из нескольких посылок. Кто-то, например, говорит, что централизованное управление – технологический императив, однако я считаю, что при внимательном рассмотрении этот довод оказывается чрезвычайно уязвимым. Те же технологии, которые обеспечивают необходимой информацией совет директоров, могут в случае необходимости использоваться любым работником. Технологии, способные сегодня исключить отупляющий труд, превращающий людей в специализированные орудия производства, оставляют достаточно времени на досуг и обучение, что позволяет рационально использовать эту информацию. Более того, даже «источающая великодушие» экономическая элита, как это сформулировал Ральф Милибэнд, ограничена системой, в рамках которой она функционирует, чтобы организовать производство. Ее цели: власть, рост, прибыль, но отнюдь не – что вполне естественно – человеческие потребности. Потребности, которые в некоторой степени могут быть выражены уже только с точки зрения коллектива⁴⁰. Вполне можно допустить, и это даже весьма вероятно, что решения, принятые самим коллективом, будут выражать потребности и интересы не хуже, чем решения различных великодушных элит.

В любом случае достаточно трудно принять всерьез доводы об эффективности в обществе, которое выделяет огромные ресурсы для их расходования и уничтожения. Ни у кого не вызывает сомнений, что от концепции эффективности буквально разит идеологией. Всевозрастающее товарное изобилие вряд ли стоит считать единственным критерием достойной жизни.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Ну вот, позвольте мне обратиться наконец к третьей и четвертой исходным позициям: большевизму – т. е. государственному социализму – и государственному капитализму. Как я пытался предположить, у них есть точки пересечения, и в некоторых интересных отношениях они расходятся с классическим либеральным идеалом и его поздней формой – либертарианским социализмом. Поскольку я интересуюсь нашим обществом, позвольте мне высказать несколько простейших соображений о роли государства, его вероятной эволюции и идеологических предпосылках, которые сопровождают и иногда искажают восприятие этого феномена. Для начала стоит разделить две системы власти: политическую систему и экономическую систему. В принципе первая состоит из народных представителей, которые определяют общественную политику, а вторая является системой частной власти – системой частных империй – свободной от общественного контроля, за исключением отдаленного и опосредованного, как это бывает, например, когда тоталитарные диктаторы и феодалы вынуждены реагировать на общественное мнение. Такая система организации общества имеет неизбежные последствия. Во-первых, авторитарная психология незаметно накладывает отпечаток на массовое сознание – сознание людей, вынужденных подчиняться приказам сверху. Думаю, что этот фактор влияет и на характер культуры в целом: представление о подчинении властям, о необходимости диктата. И меня восхищает и радует то, как современная молодежь на протяжении последних лет пытается разрушить эти авторитарные шаблоны мышления.

Во-вторых, спектр решений, которые подпадают под общественный демократический контроль, достаточно узок. К примеру, в него не входят, и по закону и по существу, некоторые ключевые элементы развитого индустриального общества: коммерческая, промышленная и финансовая система в целом.

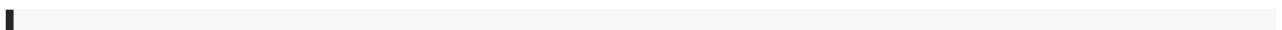
И в-третьих, в сфере, на которую распространяется демократическое принятие решений, центры частной власти оказывают очевидное и неограниченное влияние – контролируя СМИ, контролируя политические организации или просто обеспечивая парламентскую систему кадрами, что, несомненно, делается. Недавнее исследование Ричарда Барнета, сравнившего биографии 400 высших чиновников, ответственных за принятие решений в послевоенной

национальной системе безопасности, показало, что большинство из них «пришло из управленческих структур и адвокатских контор, расположенных в пределах пятнадцати кварталов Нью-Йорка, Вашингтона, Детройта, Чикаго и Бостона»⁴¹. И каждое новое исследование подтверждает эту картину.

Вкратце демократическая система при капиталистической демократии ограничена в лучшем случае узкой сферой полномочий. И даже в пределах этой узкой сферы на нее огромное влияние оказывает концентрированная частная власть и авторитарная, пассивная модель мышления, навязанная автократическими институтами, например предприятиями. Это трюизм, но я не устану раз за разом повторять, что капитализм и демократия в конечном итоге несовместимы. Внимательный разбор этого вопроса, думаю, лишь подкрепит такой вывод. Процесс централизации власти идет уже давно как в политической, так и в индустриальной системе. Если рассматривать политическую систему, то во всех парламентских демократиях – не только в нашей с вами, – роль парламента в формировании политики ослабевала и шла на убыль со времени окончания Второй мировой войны. Иными словами, могущество исполнительной власти постоянно растет по мере того, как функции планирования в государстве становятся все более важными. Комитет по делам вооруженных сил^[6] пару лет назад, говоря о роли конгресса, сравнил его с «вечно недовольным, но добрым в душе дядюшкой, который время от времени негодует, яростно попыхивая своей трубкой, но в конце концов, как все и ожидали, сдается... и поднимает руки вверх, одобряя принятое решение»⁴².

Внимательный анализ государственных и военных решений после Второй мировой войны показывает, что этот образ довольно точно передает сложившуюся ситуацию. Сенатор Ванденберг двадцать лет назад выражал опасение, что глава исполнительной власти Америки со временем станет «главнокомандующим номер один на Земле»⁴³. Он был прав. Наиболее четко это проявилось в феврале 1965 г., когда решение о полномасштабном военном вмешательстве во Вьетнаме было принято с циничным пренебрежением к ясно выраженной воле избирателей. Этот случай со всей очевидностью раскрывает роль общественности в решениях, касающихся мира и войны, равно как и в решениях по основным направлениям государственной политики в целом; он демонстрирует отсутствие связи между электоральной политикой и ключевыми решениями по национальной политике.

К несчастью, вы не сможете отозвать этих негодяев, поскольку вы их и не избирали. Руководители корпораций, корпоративные юристы и т. п., составляющие подавляющее большинство в исполнительной власти, которая обслуживается преимущественно классом чинуш с университетским образованием, остаются у власти независимо от вашего голосования. Интересно, что эта правящая элита довольно ясно осознает свою социальную роль. В качестве примера приведу Роберта Макнамару, человека, которого часто превозносят в либеральных кругах за гуманизм, блестящие технические познания и за его кампанию по контролю над военно-промышленным комплексом. Его взгляды на социальную организацию, я полагаю, говорят сами за себя. По его словам, «жизненно важные решения... особенно в вопросах политики, должны приниматься в верхах». Он идет дальше и предполагает, что это является божественным императивом:

Бог... безусловно демократ. Он раздает мозги всем поровну, но при этом не без оснований ожидает, что мы с пользой применим этот дар. Вот в чем заключается управление. <...> Искусство управлять в конечном счете является наиболее созидательным из всех умений, поскольку имеет дело с человеческим талантом. Реальная угроза демократии исходит... от недостатка управления. <...> Плохое управление не означает большей свободы. Оно просто позволяет формировать реальность не здравому смыслу, а другим силам. Если человек отрекается от здравого смысла, ему не дано реализовать свой потенциал⁴⁴.

Таким образом, здравый смысл можно определить как централизацию принятия решений в верхних эшелонах управления. Участие народа в принятии решений угрожает свободе и противоречит здравому смыслу. Разум воплощен в автократических, жестко управляемых институтах.

Укрепление этих институтов, в рамках которых человек может функционировать наиболее эффективно, является, по мнению Макнамары, «величайшей задачей для человека нашего времени»⁴⁵.

Знакомые рассуждения – это и есть подлинный глас технической интеллигенции, либеральной интеллигенции, технократической корпоративной элиты современного общества. Параллельный процесс централизации идет и в экономической жизни. Недавний доклад Федеральной комиссии по торговле (ФТК)[7] свидетельствует, что «к концу 1968 г. двести крупнейших промышленных корпораций контролировали более 60 % всех промышленных активов». К началу Второй мировой войны то же количество власти приходилось на более чем тысячу корпораций. В докладе говорится, что малочисленная индустриальная элита огромного конгломерата компаний жадно захватывает американский бизнес и по существу разрушает свободную конкуренцию⁴⁶.

Более того, эти двести корпораций частично связаны между собой и с другими корпорациями таким образом, что могут влиять на принятие бизнес-решений игроками рынка или вообще лишить их независимого выбора.

Если в этой информации и есть что-то удивительное, то это ее источник: ФТК. Сами по себе эти данные хорошо известны леволиберальным обозревателям американского общества и в какой-то мере уже превратились в клише.

Централизация власти также имеет международный размах. Есть данные – я привожу цитату из *Foreign Affairs*, – что «по объему валового продукта американские предприятия США за рубежом в совокупности составляют третью крупнейшую экономику... в мире, уступая лишь США и Советскому Союзу»⁴⁷.

Всего через десять лет, учитывая текущие тенденции, более чем половина британского экспорта будет производиться компаниями, принадлежащими американцам. Более того, американские предприятия за рубежом отличаются высококонцентрированными капиталовложениями. 40 % прямых инвестиций в Германии, Франции, и Великобритании

осуществляется тремя фирмами, и все они американские. Джордж Болл объяснял, что проект создания интегрированной мировой экономики во главе с американским капиталом – иными словами, империи – не идеалистическая фантазия, а трезвый прогноз. К этой роли, говорит он, «нас подталкивают потребности нашей собственной экономики». Главным инструментом этой политики станет транснациональная корпорация. Посредством таких транснациональных корпораций, считает Болл, можно использовать мировые ресурсы с «максимальной эффективностью». Эти транснациональные корпорации извлекают выгоду из мобилизации ресурсов федеральным правительством, а их международные операции и рынки сбыта по всему миру в конечном итоге находятся под защитой американских вооруженных сил⁴⁸.

Нетрудно догадаться, кто будет пожинать плоды, т. е. доходы от интегрированной мировой экономики, представляющей собой поле деятельности международных организаций, создаваемых в Америке.

Итак, на этой стадии дискуссии следует упомянуть призрак коммунизма. Чем угрожает коммунизм этой системе? За ясным и убедительным ответом на этот вопрос обратимся к обширному исследованию Фонда Вудро Вильсона и Национальной ассоциации планирования под названием «Политическая экономия американской внешней политики». Это очень важная книга. Она была подготовлена представителями той самой крошечной элиты, которая во многом определяет государственную политику независимо от того, кто находится у власти. Это практически манифест американского правящего класса. Угроза коммунизма, согласно книге, состоит в экономической трансформации власти коммунистов «таким образом, что они не будут стремиться или не смогут дополнять индустриальные экономики Запада»⁴⁹. В этом и состоит изначальная угроза коммунизма. Коммунизм, если излагать коротко, ослабляет готовность и способность экономически слаборазвитых стран функционировать в мировой капиталистической экономике подобно, например, Филиппинам – стране, разившей после семидесяти пяти лет американской опеки и доминирования колониальную экономику классического типа. Именно по этой причине британский экономист Джоан Робинсон охарактеризовала американский крестовый поход против коммунизма как войну против развития.

Идеология холодной войны и международный коммунистический заговор действуют в важном направлении – по сути, как инструмент пропаганды для мобилизации поддержки в определенный исторический момент этого долговременного имперского предприятия. На самом деле, я уверен, что это, возможно, и есть главное назначение холодной войны: она служит в качестве полезного инструмента для администраторов американского общества и их противников в Советском Союзе и дает им возможность контролировать свое собственное население в их имперских системах. Я полагаю, что столь упорная продолжительность холодной войны объясняется отчасти ее полезностью для правителей этих двух величайших мировых систем.

Итак, здесь нам следует добавить к этой картине еще одну, последнюю составляющую, а именно – непрерывную милитаризацию американского общества. Как она сюда вписывается? Чтобы это понять, нужно обратиться к истории, вернуться к Второй мировой войне и вспомнить, что до ее начала наше общество переживало глубокую депрессию.

Вторая мировая война преподала важный экономический урок: она научила, что в централизованно контролируемой экономике стимулированное правительством производство может преодолеть депрессию. Я думаю, что именно это имел в виду Чарльз Уилсон, когда заявил в 1944 г., что мы имеем «перманентную военную экономику» в послевоенном мире⁵⁰. Беда в том, что в капиталистической экономике есть лишь несколько ситуаций, при которых может осуществляться вмешательство государства.

Государственное управление не конкурентоспособно, например, в сравнении с частными империями, которые могут заявить, что в данном случае никакой выгоды от производства не будет. На самом деле конкурентоспособным может быть лишь производство предметов роскоши, а не средств производства или полезных предметов потребления. К сожалению, существует только одна категория предметов роскоши, которые могут производиться до бесконечности, быстро морально устаревать и изнашиваться, причем без каких-либо ограничений или разумных пределов. Мы все знаем, что это за категория: военное производство.

Все это хорошо описал историк бизнеса Альфред Чандлер. Вот что он говорил об экономических уроках Второй мировой войны:

“ Государство потратило гораздо больше, чем мог бы предположить даже самый ярый последователь Нового курса. Большая часть продукции, на производство которой были потрачены эти средства, была уничтожена или оставлена на полях сражений в Европе и Азии. Но возросший в результате этого спрос принес нации период процветания, подобного которому мы никогда прежде не знали. Более того, обеспечение огромных армий и военно-морского флота, сражавшихся в самой масштабной войне за всю историю человечества, требовало жесткого, централизованного контроля над всей национальной экономикой. Это привело руководителей корпораций в Вашингтон, где они выполняли одну из наиболее сложных задач экономического планирования в истории. Этот опыт уменьшил идеологические страхи по поводу роли государства в стабилизации экономики⁵¹.

Я хочу подчеркнуть, что это мнение консервативного комментатора. К этому надо добавить, что последующая холодная война привела к еще большей аполитичности американского общества и создала такую психологическую среду, в которой государство имеет возможность вмешиваться в экономику – отчасти через финансовую политику, отчасти посредством общественных работ и государственных служб, но в огромной степени, разумеется, через военные расходы.

Таким образом, используя слова Альфреда Чандлера, государство действует как «распорядитель последнего средства», когда «менеджеры не способны поддерживать высокий уровень совокупного спроса»⁵².

Как пишет другой историк бизнеса, Джозеф Монсен, «хорошо информированный корпоративный руководитель, отнюдь не опасющийся государственного вмешательства в

экономику, рассматривает новую экономику как механизм укрепления корпоративной жизнеспособности»⁵³.

Наиболее циничное использование этих идей осуществляется руководителями отраслей военной промышленности, субсидируемых государством. Примерно год назад в *Washington Post* была замечательная серия статей Бернарда Носситера. В частности, он цитировал Самуэля Даунера, вице-президента LTV Aerospace – одного из крупных новых конгломератов, который объяснял, почему послевоенный мир должен опираться на военные заказы. «Это основа основ», – заявил он.

“ Такая политика пропагандируется под лозунгом защиты родины. Это излюбленный прием политиков, отстаивающих какую-либо систему. Если вы президент, вам необходим фактор контроля в экономике и вам нужно убедить в необходимости этого фактора, вы не сможете рекламировать Гарлем и Уоттс, но вы можете пропагандировать самосохранение, новую среду. Мы будем увеличивать расходы на оборону до тех пор, пока не догоним и не обгоним этих ублюдков в России. Американский народ прекрасно это понимает⁵⁴.

Разумеется, «эти ублюдки» ни в коей мере не опережают нас в этой смертоносной и циничной игре, но это не особенно мешает таким утверждениям. Во времена крайней нужды мы всегда можем последовать за Дином Раском, Хьюбертом Хамфри и другими светилами и ссылаться на миллиард китайцев, которые вооружены до зубов и собираются покорить мир. И вновь я хочу подчеркнуть роль холодной войны в этой системе. Это способ внутреннего контроля, инструмент насаждения паранойи и психоза, когда налогоплательщики охотно обеспечивают колоссальный, нескончаемый поток субсидий для технически развитых отраслей американской промышленности и корпораций, доминирующих в этой все более централизованной системе.

Подчеркнем то, что и так очевидно: российский империализм, безусловно, не является выдумкой американских идеологов. Он вполне реален, например, для венгров и чехов. А вот что действительно выдумка, так это то, как идеологи используют его в своих целях. Например, Дин Ачесон в 1950 г. или Уолт Ростоу десятилетие спустя выдавали войну во Вьетнаме за образец русского империализма. Или позиция администрации Джонсона в 1965 г., когда она оправдывала интервенцию в Доминиканскую Республику, ссылаясь на угрозу со стороны китайско-советского военного блока. Или позиция интеллектуалов Кеннеди, которые, как пишет Таунсенд Хупс в своей статье в *Washington Monthly* в прошлом месяце, были введены в заблуждение «напряженностью долгих лет холодной войны» и не смогли понять, что триумф национальной революции во Вьетнаме не будет «триумфом для Москвы и Пекина»⁵⁵. Это был наиболее примечательный образец заблуждений среди предположительно образованных и грамотных людей. Или возьмем, к примеру, Юджина Ростоу, который в недавно опубликованной книге, всячески превозносимой либеральными сенаторами и академическими интеллектуалами, обозначил ряд испытаний для мирового порядка в современную эру: Наполеон, кайзер Вильгельм II, Гитлер и уже после Второй мировой войны «всеобщие забастовки в Италии и Франции... гражданская война в Греции и

вторжения в Южную Корею и Южный Вьетнам». Россия «подвергла нас суровым испытаниям, подобным тем, что были в Корее и Вьетнаме», в ее «попытках распространить коммунизм по всему миру огнем и мечом». «Силы зла безмерно велики», и наш долг – отважно им противостоять⁵⁶.

Посмотрите, какой интересный ряд испытаний для мирового порядка: Наполеон, кайзер Вильгельм, Гитлер, всеобщие забастовки во Франции и в Италии, гражданская война в Греции и русское наступление на Южный Вьетнам. Если об этом задуматься, можно прийти к весьма интересным выводам о современной истории.

Причем продолжать можно до бесконечности. Например, можно предположить, что холодная война весьма целесообразна как для американской элиты, так и для ее советских противников, которые точно так же эксплуатируют западный империализм – не ими выдуманный – в своих интересах, например, когда посылают армии в Чехословакию.

В обоих случаях холодная война важна в плане обеспечения идеологии для империи, в данном случае субсидируемой правительством системы, и для милитаризованного государственного капитализма. Весьма предсказуемо, что угрозы для этой идеологии встретят серьезное сопротивление – с помощью силы, если так будет нужно. Во многих смыслах американское общество и в самом деле открыто, и либеральные ценности в нем сохраняются. Тем не менее, как это прекрасно известно беднякам и чернокожим и другим этническим меньшинствам в этой стране, либеральный слой крайне тонок. Марк Твен однажды сказал, что «милостью Божьей мы в Америке получили три неоценимых дара: свободу слова, свободу совести и – благоразумие, удерживающее нас от того, чтобы ими пользоваться»⁵⁷. Не исключено, что тем, кому не хватает такого благоразумия, придется за это платить.

Грубо говоря, думаю, я не ошибусь, если скажу, что корпоративная элита управленцев и собственников по-прежнему правит как экономикой, так и политической системой – по крайней мере в очень большой степени. А так называемый народ делает случайный выбор из тех, кого Маркс однажды назвал «соперничающими кликами и авантюристами из правящих классов»⁵⁸. Те, кто сочтет эту характеристику слишком грубой, могут обратиться к формулировкам современного демократического теоретика Йозефа Шумпетера, который описывает сегодняшнюю политическую демократию как систему, при которой «решение текущих вопросов избирателями вторично по отношению к избранию людей, которые должны принимать решения». Политическая партия, утверждает Шумпетер, это «группа людей, объединяющих усилия и действующих сообща в конкурентной борьбе за политическую власть. В противном случае разные партии не принимали бы одинаковые или почти одинаковые программы»⁵⁹. Таковы преимущества политической демократии, с точки зрения Шумпетера.

Это программа, которую практически полностью принимают обе партии. Отдельные люди, конкурирующие в борьбе за власть, выражают узконсервативную идеологию, как правило – интересы той или иной части корпоративной элиты, с некоторыми видоизменениями. Вполне очевидно, что здесь нет никакого заговора. Я полагаю, что это изначально заложено в системе корпоративного капитализма. Эти люди и институты, которые они представляют,

стоят у власти, и их интересы – «национальные интересы». Именно эти интересы обслуживаются, в первую очередь и в подавляющей степени, заморскими империями и крепнущей системой военного государственного капитализма внутри страны. Если бы мы перестали соглашаться с тем, что нами управляют (что, я думаю, мы и должны сделать), мы перестали бы позволять этим людям и интересам, которые они представляют, и управлять американским обществом и навязывать нам их концепцию миропорядка и представления о правильном политическом и экономическом развитии. Несмотря на огромные усилия пропаганды и стремление скрыть или фальсифицировать эти факты, они все равно остаются фактами.

На сегодняшний день у нас есть технические и материальные ресурсы, удовлетворяющие все животные потребности человека. Но мы не развили культурные и нравственные ресурсы или демократические формы социальной организации, которые дали бы нам возможность гуманно и рационально использовать наше материальное благосостояние и власть. Понятно, что классические либеральные идеалы, как они выражены и развиты в их либертарианской социалистической форме, достижимы. Но они достижимы только через народное революционное движение, уходящее корнями в широкие слои населения и ставящее себе цель упразднить репрессивные и авторитарные институты, как государственные, так и частные. Создать такое движение – вот задача, которая стоит перед нами и которую надо решить, если мы хотим спастись от современного варварства.

В основе этой книги лежит выступление в Центре поэзии, Нью-Йорк, 16 февраля 1970 года.

Примечания

Примечания цитат

1. Wilhelm von Humboldt, *Limits of State Action*, J. W. Burrow, ed. (London: Cambridge University Press, 1969), chap. 7, p. 68.
2. Von Humboldt, *Limits of State Action*, chap. 8, p. 76.
3. Von Humboldt, *Limits of State Action*, chap. 7, p. 62 and chap. 3, p. 19.
4. Von Humboldt, *Limits of State Action*, chap. 3, p. 19.
5. Von Humboldt, *Limits of State Action*, chap. 3, p. 22.
6. Von Humboldt, "Ideas on Constitutional Statehood, Incited by the New French Constitution" (from a Letter to a Friend, August 1791), cited in Marianne Cowan, ed., *Humanist Without Portfolio: An Anthology* (Detroit: Wayne State University Press, 1964).
7. Cited in Shlomo Avineri, *The Social and Political Thought of Karl Marx* (London: Cambridge University Press, 1968), p. 142, referring to comments in *The Holy Family*. See Robert C. Tucker, ed., *The Marx-Engels Reader*, 2nd ed. (New York: W. W. Norton, 1972), pp. 133–35.
8. Karl Marx, *Critique of the Gotha Program*, part I, sec. 3. In Tucker, ed., *The Marx – Engel Reader*, p. 388.
9. Karl Marx, *Capital*, part 5, chap 25, sec. 4. In Tucker, ed. *The Marx-Engels Reader*, p. 310.
10. Rudolf Rocker, *Anarcho-Syndicalism: Theory and Practice* (Oakland: AK Press, 2004), p. 10.
11. Karl Polanyi, *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time* (Boston: Beacon Press, 1957), p. 3.
12. Polanyi, *The Great Transformation*, p. 176.
13. Simon Linguet, *Théorie des lois civiles* (London, 1767), pp. 274, 464, 466,470–71, cited in Karl Marx, *Theories of Surplus Value [Volume IV of Capital, Part I (1863)]*, S. Ryazanskaya, ed., Emile Burns, trans. (Moscow: Progress Publishers, 1963), chap. 7, pp. 346, 348, 349.
14. Cited in Martin Buber, *Paths in Utopia* (Boston: Beacon Press, 1958), p. 19.

15. Von Humboldt, *The Limits of State Action*, chap. 16, p. 137.
16. Jean-Jacques Rousseau, *First and Second Discourses*, R. D. Masters, ed. (New York: St. Martin's Press, 1964), p. 179.
17. Von Humboldt, *Limits of State Action*, chap. 11, pp. 99–100.
18. Octave Mirbeau, quoted in James Joll, *The Anarchists* (Boston: Little, Brown, 1965), pp. 145–46.
19. Quoted in Daniel Guenn, *Anarchism: From Theory to Practice*, Mary Klopper, trans. (New York: Monthly Review, 1970), p. 12.
20. Pierre-Joseph Proudhon, *What Is Property?* Benjamin R. Tucker, trans. (New York: Howard Fertig, Inc., 1966), chap. 1, p. 12.
21. Anton Pannekoek, «Theses On The Fight Of The Working Class Against Capitalism» (1947). Online at: <http://www.marxists.org/archive/pannekoek/1947/theses-fight.htm>. Transcribed from *Southern Advocate for Workers Councils*, Melbourne, Australia, no. 33, May 1947.
22. See V. I. Lenin, *Left-Wing Communism: An Infantile Disorder* (Moscow: Progress Publishers, 1964).
23. William Paul, *The State: Its Origins and Function* (Glasgow: Socialist Labour Press, 1918), pp. 197–98.
24. Informations Correspondance Ouvriere.
25. A later version of this paper is available online: Walter Kendall, "State Ownership, Workers' Control and Socialism," paper presented at the First International Sociological Conference on Participation and Self-Management, Dubrovnik, December 13–17, 1972 (<http://www.whatnextjournal.co.uk/Pages/Newint/Kendall2.html>).
26. Letter from Engels to Philipp Van Patten, April 18, 1883. Available online at: http://www.marxists.org/archive/marx/works/i883/letters/83_04_i8.htm.
27. The preface to the German edition of 1872. In Tucker, ed., *The Marx-Engels Reader*, pp. 469–70.
28. Quoted in Guenn, *Anarchism*, p. 25.
29. Quoted in Guerin, *Anarchism*, pp. 25–26.
30. Fernand Pelloutier, "Anarchism and the Workers' Unions," in Daniel Guerin, ed., *No Gods, No Masters*, 2 vols. (Oakland: AK Press, 1998), vol. 2, p. 55.
31. Buber, *Paths in Utopia*, p. 127.

32. V. I. Lenin, *Sochineniya (Works)*, 5th ed. (Moscow: Institute of Marxism-Leninism, 1958–65), vol. 44, pp. 9 and 418. Quoted in Moshe Lewin, *Lenin's Last Struggle*, A. M. Sheridan Smith, trans. (New York: Pantheon, 1968), p. 4.
33. Rousseau, *First and Second Discourses*, p. 164.
34. Rousseau, *First and Second Discourses*, p. 165.
35. Immanuel Kant, *Religion within the Limits of Reason Alone*, 1793, Book 4, Part 2, Section 3.
36. Wilhelm von Humboldt, *Limits of State Action*, chap. 16. p. 43.
37. Von Humboldt, *Limits of State Action*, chap. 3, p. 18.
38. Rosa Luxemburg, "Organizational Questions of the Russian Social Democracy ['Leninism or Marxism?']" (1904), Part II. Available online at:
<http://www.marxists.org/archive/luxemburg/1904/questions-rsd/index.htm>.
39. Carl Kaysen, "The Social Significance of the Modern Corporation," *American Economic Review*, May 1957, pp. 313–314.
40. See Ralph Miliband, *The State in Capitalist Society* (London: Weidenfield & Nicolson, 1969).
41. Richard J. Barnet, *The Economy of Death* (New York: Atheneum, 1969), p. 97.
42. House Report 1406, 87th Cong., 2nd sess., 1962, p. 7.
43. Arthur H. Vandenberg, Jr., *The Private Papers of Senator Vandenberg* (Boston: Houghton-Mifflin, 1952), p. 504.
44. Robert McNamara, *The Essence of Security* (New York: Harper & Row, 1968), pp. 109–10.
45. McNamara, *The Essence of Security*, p. no.
46. Economic Concentration, Hearings Before the Subcommittee on Antitrust and Monopoly of the Committee on the Judiciary, U.S. Senate, 91st Congress, 1st Session (1969), Part 8a.
47. Leo Model, "The Politics of Private Foreign Investment," *Foreign Affairs*, June 1967, p. 641.
48. George W. Ball, *The Discipline of Power: Essentials of a Modern World Structure* (Boston: Atlantic Monthly Press, 1968).
49. W. Y. Elliot, ed., *The Political Economy of American Foreign Policy* (New York: Henry Holt and Co., 1955), p. 42.
50. Quoted in Barnet, *The Economy of Death*, p. 116.

51. Alfred D. Chandler, Jr., "The Role of Business in the United States: A Historical Survey," *Daedalus*, winter 1969, p. 36.
52. Chandler, Jr., "The Role of Business in the United States," p. 36.
53. Joseph Mosen, "The American Business View," *Daedalus*, winter 1969, p. 162.
54. Bernard Nossiter, "Arms Firms See Postwar Spurt," *Washington Post*, December 8, 1968, pp. ai, ai8.
55. Townsend Hoopes, "The Nuremberg Suggestion," *Washington Monthly*, January 1970, p. 20.
56. Eugene Rostow, *Law, Power and the Pursuit of Power* (Lincoln: University of Nebraska Press, 1968), pp. 13, 17, 47.
57. "Pudd'nhead Wilson's New Calendar," from *Following the Equator*, in Tom Quirk, ed., *Tales, Speeches, Essays, and Sketches* (New York: Penguin, 1994), p. 201.
58. "The Civil War in France," in Tucker, ed., *The Marx-Engels Reader*, p. 630.
59. Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper & Row, 1950), pp. 269, 283.

“Особая благодарность Кришне Пагадале за расшифровку текста, Пабло Стаффорини за исправления и ссылки и Кристель Якаки за замечательную исследовательскую работу.

Ноам Хомский – выдающийся американский лингвист, психолог, философ, публицист, оказавший влияние на развитие науки о языке во всем мире, на современную психологию и социальные науки.

Родился в 1928 году в Филадельфии, штат Пенсильвания, в семье выходцев из Российской Империи. Несмотря на преклонный возраст, Хомский по сей день активно высказывается о проблемах современности, он был одним из главных ораторов на Всемирном социальном форуме 2002 года.

Критика государства и, в частности, внешней политики США, начиная с книги о вьетнамской войне и кончая так называемой борьбой с терроризмом, принесла ему славу и поддержку среди левых и других оппозиционно настроенных сил. Непримиимый к любым формам государственного насилия, Хомский одинаково нетерпим к капитализму и социализму в их сегодняшних воплощениях. В этой небольшой книге Хомский рассматривает противостояние различных концепций государства и излагает суть либертарианской идеи, сторонником которой является.

Примечания общие

1. Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) – немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. Осуществил реформу гимназического образования в Пруссии, основал в 1809 г. Берлинский университет. Один из виднейших представителей немецкого классического гуманизма; друг И.В. Гёте и Ф. Шиллера. Видел в универсальном развитии индивидуальности высшую цель, определяющую и границы деятельности государства. Развил учение о языке как о непрерывном творческом процессе, «формирующем органе мысли» и о «внутренней форме» языка как выражении индивидуального мирозерцания народа. – Здесь и далее прим. пер.
2. Джон Стюарт Милль (1806–1873) – английский философ, экономист и общественный деятель. Основатель английского позитивизма, последователь О. Конта. В «Системе логики» (т. 1–2, 1843) разработал индуктивную логику, которую трактовал как общую методологию наук. В этике соединял принцип эгоизма (утилитаризма) с альтруизмом.
3. Картезианство – направление в философии и естествознании XVII–XVIII вв., теоретическим источником которого были идеи Рене Декарта (латинизированное имя Cartesius – Картезий, отсюда название). Основа картезианства – последовательный дуализм, т. е. разделение мира на две самостоятельные и независимые субстанции – протяженную и мыслящую; исходные принципы картезианской гносеологии – самодостоверность сознания (декартовское «мыслю, следовательно, существую») и теория врожденных идей.
4. Хеймаркетская бойня – события на площади Хеймаркет в Чикаго 4 мая 1886 г. 1 мая 1886 г. в Чикаго прошла многотысячная демонстрация рабочих с требованием установления 8-часового рабочего дня. Рабочие начали забастовку, носившую поначалу мирный характер. Первые жертвы появились в результате столкновений с полицией и штрейкбрехерами 3 и 4 мая в Чикаго. Затем во время митинга на Хеймаркет-сквер неизвестный бросил бомбу, от взрыва которой погибло несколько полицейских. Террориста (или провокатора) так и не нашли, однако суд приговорил семерых рабочих вожаков к смерти, восьмого – к 15 годам тюрьмы. Массовые протесты в США и Европе вынудили власти штата Иллинойс заменить двоим казнь на пожизненное заключение, еще один за день до казни погиб в тюрьме при невыясненных обстоятельствах, а четверо оставшихся были повешены 13 ноября 1887 г. Шесть лет спустя новый губернатор штата освободил заключенных, признав их невиновными во взрыве бомбы. В память об этих событиях Федерация труда Соединенных Штатов постановила ежегодно отмечать 1 мая рабочими демонстрациями.

5. Паннекук (Pannekoeck) Антон (1873–1960) – нидерландский политический деятель и астроном. В начале 1920-х гг. один из лидеров ультралевой Коммунистической рабочей партии Германии (псевд. – К. Хорнер).

6. Постоянный комитет сената, ведающий вопросами, связанными с вооруженными силами, национальной обороной, оборонной промышленностью и др. В ведении комитета также входят вопросы, связанные с зоной Панамского канала. Состоит из 24 членов.

7. Регулятивная комиссия со статусом независимого ведомства, контролирующая соблюдение антитрестовского законодательства и законов о защите прав потребителей, а также деловую активность компаний, занимающихся торговлей между штатами с целью недопущения недобросовестной конкуренции и предотвращения недобросовестной рекламы. Держит под контролем ценовые соглашения и процесс слияния фирм; имеет право потребовать от компаний «прекратить какие-либо действия или воздерживаться от них». Состоит из пяти членов, назначаемых на семилетний срок президентом США «по совету и с согласия» сената. Создана в 1914 г. по Закону о Федеральной торговой комиссии. Имеет 10 региональных представительств.